

DOI 10.37386/2305-4077-2023-4-124-133

Л. И. Гайнетдинова¹*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы (Уфа)*

ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕРОИНИ В ТРАДИЦИОННОЙ ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И РОМАНЕ Г. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»

В статье рассматривается эволюция и типология женских образов в традиционной татарской литературе и в современном романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза». В этом контексте выявляются различия и сходство в образах национальных героинь, делается вывод о том, что образ Зулейхи создается писательницей, с одной стороны, в соответствии с традицией изображения женщины в татарской словесности, с другой – налицо отход Г. Яхиной от гендерных, нравственно-религиозных и социальных стереотипов воплощения образа мусульманки.

Ключевые слова: роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», этноконфессиональная традиция, гендерные аспекты, женский образ

L. I. Gainetdinova*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa)*

THE NATIONAL FEMALE IMAGE IN TRADITIONAL TATAR LITERATURE AND IN G. YAKHINA'S NOVEL «ZULEIKHA OPENS HER EYES»

The article is devoted to the study of the evolution of women's images in traditional Tatar literature and in the novel «Zuleikha Opens her Eyes» by G. Yakhina. In this context, differences and similarities in the images of national heroines are revealed, it is concluded that the image of Zuleikha is created by a modern writer, on the one hand, in accordance with the tradition of depicting a woman in Tatar literature, on the other hand, G. Yakhina is clearly moving away from gender, moral-religious and social stereotypes of the embodiment of the image of a Muslim woman.

Key words: G. Yakhina's novel "Zuleikha Opens her Eyes", ethno-confessional tradition, gender aspects, female image

К проблеме воплощения образа женщины в татарской литературе сегодня обращаются многие исследователи, рассматривая ее не только с региональной точки зрения². В их работах прослеживается эволюция национального женского образа с учетом традиций национальной литературы, которая с начала своего становления была связана с ценностями Ислама и фольклора: «С X века татарская литература развивается в контексте арабо-мусульманской цивилизации, а со второй половины XII века она является неотъемлемой частью Восточного Ренес-

¹ Луиза Ильшатовна Гайнетдинова – аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа), luiza.imc@mail.ru.

² См.: [Никишина, 2002], [Фаттахова, 2011], [Хисматова, 2008], [Хуснутдинова, 2010] и др.

санса» [Хасавнех, 2022, с. 136]. Соответственно, образы национальных героинь соотносились с идеалом женщины, принятым в мусульманской религии. На современном этапе развития татарской литературы многие ориентиры поменялись, и на первый план вышел другой тип героини, для которой нормы Ислама уже не являются определяющими, а приоритетной становится внутренняя свобода.

Примечательно, что в татарской литературе до периода реализма, начавшегося после революции в 1917 году (в русле развития советской литературы в целом), ценлись исключительно моральные достоинства женщины, её физическая красота в соответствии с канонами народного эпоса. Так, в одном из самых знаменитых дастанов «Лейла и Маджнун» главная героиня ассоциируется с воркующей голубкой, в ней подчеркивается необыкновенная красота:

Улыбаётся Лейла – как чудно уста обложили
 Ряд зубов, что белей жемчугов и проснувшихся лилий!
 До чего же изнеженно тело подруги, о Боже:
 Проползет ли по ней муравей – след оставит на коже!
 О, как мелки шаги, как слабеет она при движении,
 Чуть немного пройдет – остановится в изнеможене!
 Как лоза она гнётся, при этом чаруя улыбкой,
 И боишься: а вдруг переломится стан её гибкий
 [Маджнун, <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st026.shtml>].

Внешность Лейлы описывается при помощи красочных флористических метафор, выразительных сравнений, литот и гипербол, передающих такие качества героини, как нежность, слабость, покорность. В данном случае нельзя говорить о проявлениях гендерного или социального раскрепощения героини. Такая тенденция доминировала в татарской литературе до второй половины XIX – начала XX века. В период же развития просветительской и реалистической литературы образы героинь в произведениях татарских писателей приобрели качественно иные характеристики. По словам А. А. Фаттаковой, «в центре внимания татарской реалистической литературы уже стоит вопрос о решении социальных проблем, связанных напрямую с определением места и роли женщины в обществе, с воплощением художественных и эстетических идеалов писателей по отношению к женщине» [Фаттахова, 2011, с. 4]. В новой литературе Татарстана на первый план выходит героиня иного типа, по сравнению с традиционными женскими образами в восточной словесности это сильная, просвещённая героиня, женщина-борец.

Как отмечает А. А. Фаттахова, в произведениях писателей-просветителей (среди них Р. Фахрутдинов, М. Акъегетзаде, З. Хади) женские образы изменились [Фаттахова, 2011, с. 14]. Так, в повести З. Хади «Счастливая девушка» [Хадый, 1904] для главной героини Гайши важна не только красота, но и ум, образование. Кроме того, в произведении оспаривается древняя традиция вступать в брак без любви. И хотя Гайша скромна и благочестива, она решает отстаивать своё право быть счастливой с человеком, которого любит.

Ещё больше в сторону идейной и гендерной раскрепощённости эволюционировал женский образ в повести М. Акъегетзаде «Хисамеддин менла». Здесь главная героиня Ханифа готова бороться за своё счастье и устраивать семейную жизнь в соответствии со своими желаниями и устремлениями. Тем не менее, Ханифа не переступает нравственные и религиозные нормы, и в этом её образ остаётся традиционным. Но писатель наделяет её и новыми качествами – такими, как ум, образованность, смелость и решительность.

В 1917 году была издана пьеса Гаяза Исхаки «Зулейха», сразу вызвавшая восхищение национальной читательской аудитории и на долгие годы ставшая эмблемой татарской литературы. В этом произведении автор обратился к национальной идее, запечатлев «печальное положение и одновременно духовный подвиг татарского народа, который, прожив несколько столетий в изгнании, сумел сохранить язык, религию, традиции, национальный облик» [Ясупова, 2017, с. 171]. В пьесе обозначена связь судьбы героини с судьбой нации. Если в первых произведениях Г. Исхаки образ женщины был связан с идеалами просвещения, то в трагедии «Зулейха» он приобретает иную окраску, не уступая в своем статусе мужскому образу. Зулейха предстаёт как собирательный образ матери татарского народа.

Действие в пьесе происходит в 60-е гг. XIX века в Казанской губернии. Зулейху разлучили с мужем во время насильственного крещения татар, выдали замуж за русского, сменили ее татарское имя на русское, а первого мужа-татарина сослали в Сибирь. За отравление русского мужа она получила 18 лет тюрьмы. Перед смертью героиня встретила своих детей и, увидев, что ее сын обратился в ислам, со спокойной душой ушла в вечный мир. Так, Зулейха стала олицетворением борьбы татарского народа за сохранение национальной идентичности и своей веры, в ее образе важен именно этно-конфессиональный компонент. Крещение становится для Зулейхи тяжёлым испытанием. Даже после того, как её насильно разлучили с мужем, детьми, престарелой матерью, заключили в монастырь, окрестили и отдали в жены русскому мужику, она сохраняет свою веру, оставаясь мусульманкой. Г. Исхаки изображает Зулейху как верную жену и добросовестную мать, видит в ней хранительницу национального духа. Такова концепция знаменитой татарской пьесы.

На этом фоне роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза», на первый взгляд, принципиально разрушает национальную традицию, хотя во многом он историчен и автобиографичен, написан на основе воспоминаний бабушки автора³. В память о своей бабушке Г. Яхина написала роман-исследование, развернув в нем историю выживания героини в сибирском лагере. Она, как и героиня пьесы Г. Исхаки, татарка-мусульманка, исполняет религиозные ритуалы под руководством местного муллы, умиротворяет злобных местных призраков и духов, принося им жертву. Её притесняет деспотичная слепая свекровь, предвещающая ей беды и смерть.

---

³ Бабушку в 1930 году вместе с родителями арестовали, вывезли в Казань, а затем отправили в ссылку в Сибирь, вернулась в родную деревню только в 1947 году. Пережитое закалило её грозный характер.

Парадоксальность сюжета обусловлена тем, что коллективизация спасает Зулейху и от грубого мужа Муртазы, и от тяжёлой жизни в целом⁴.

И хотя в романе «Зулейха открывает глаза» в качестве опорной модели взята канва пьесы Исхаки (это ситуация социального насилия, убийство мужа, каторга), Г. Яхина расставляет другие акценты, в частности усиливает психологическую окраску образа главной героини, что делает его предельно реалистичным, в отличие от символически гиперболизированного образа Зулейхи в пьесе Г. Исхаки.

Если обратиться к эпизодам романа, в которых описывается сталинская каторга, то можно заметить, что в ее пространстве находятся люди разных национальностей, а судьба героини проецируется на судьбу всей страны, а не только на одну нацию, как у Г. Исхаки. Каторжный мир в романе Г. Яхиной выглядит мифологическим локусом, отрезанным от реального пространства. В этом мире Зулейха преобразуется, хотя поначалу она, по словам Я. А. Солуновой, изображается в традиционном свете, как тихая, покорная и молчаливая татарская женщина [Солунова, 2020, с. 245]. Неслучайно свекровь зовёт её «мокрой курицей». Связывает героиню Г. Яхиной с героинями татарской литературы вера. Но если Зулейха в трагедии Г. Исхака отдала свою жизнь за нее, в романе «Зулейха открывает глаза» героине не приходится идти на такую жертву, тем не менее, образ Аллаха сохраняется в её душе, все свои мысли и поступки она согласует с ним: «Во времена Большого голода только они и спасали – лес и река. Ну и милость Аллаха, конечно» [Яхина, 2015, с. 10]⁵.

Однако в ее религиозное сознание входят и языческие воззрения. В этом отношении характерен эпизод, описывающий попытку героини устроить загробную жизнь своих четырёх дочерей: задабривая духов. Зулейха носит им с трудом добытую пастилу: «Угодить духу – дело непростое. Знать надо, какой дух что любит. Живущая в снях бичура, к примеру, – неприхотлива. Выставишь ей пару немых тарелок с остатками каши или супа – она слижет ночью, и довольна. Банная бичура – покапризнее, ей орехи или семечки подавай. Дух хлева любит мучное, дух ворот – толченую яичную скорлупу. А вот дух околицы – сладкое. Так мама учила» (с. 13). Героиня обращается к духу кладбища, прося его о том, чтобы он «присмотрел за могилами дочек, укрыл их снегом потеплее, отогнал злых духов» (с. 13). Так в образе Зулейхи раскрываются особенности народно-поэтического мышления, в котором сочетаются мусульманская вера и язычество. Это отличает Зулейху от правоверной мусульманки в пьесе Г. Исхаки.

⁴ В начале повести «красноордынцы» объезжают сельские районы, депортируют кулаков, арестовывают и казнят всех, кто сопротивляется новой власти. Муртаза погибает, а беременную Зулейху вместе с тысячами других крестьян отправляют в Сибирь. В лагере у Зулейхи рождается сын, она переживает неимоверные лишения, преодолевает психологические барьеры, прежде чем обретает способность совершать самостоятельно смелые поступки. Она спасает сына, по поддельным документам отправляет его из тайги в Ленинград, решается на открытые отношения с русским мужчиной.

⁵ Текст романа цитируется по этому изданию. Далее номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

Как и её литературная предшественница, Зулейха – хорошая жена, послушная невестка. Современному читателю трудно понять гипертрофированные женскую покорность и послушание. В браке с мужем, который был старше её на пятнадцать лет, Зулейха не видела ничего, кроме побоев и унижений. В доме, в котором ей отведено место на сундуке, она находится на положении рабыни. У нее нет права возражать мужу, перечить свекрови – Упырихе (именно такое прозвище дала ей сама героиня).

Для гендерного аспекта важно следующее. Все события в произведении показаны глазами героини, оно строится на основе внутреннего монолога героини, мыслящей женскими категориями. Отсюда в романе множество «кулинарных» сравнений: «скрипящий, как квашенная капуста снег» (с. 65), сердце, подобное «вязкому киселю» (с. 34).

Другой гендерный признак – продолжающееся на протяжении всего романа противостояние двух женщин, свекрови и невестки. Это две стороны женской сущности – жёсткой властности и робкой покорности. Это противостояние (сначала в реальном, а потом в ирреальном мире) обуславливает и особенности композиции романа: логика излагаемых событий (жизнь в семье, раскулачивание, ссылка, жизнь в лагере, уход сына) прерывается экскурсами в ирреальный мир. Хронотоп романа является одновременно и реалистическим, и волшебным. Реальные события, наряду со встречами Зулейхи со свекровью, которая продолжает воздействовать на невестку из потустороннего мира, влияют на освобождение её сознания. Примирение с Упырихой позволяет героине преодолеть психологические барьеры и начать новую жизнь.

Ключевой гендерной составляющей романа становится материнство героини. Ради сына Зулейха обретает силы для выживания и для борьбы. Более того, в определённые моменты она берёт на себя функции мужчины, отца. Характерен в этом отношении эпизод убийства медведя на охоте.

Так, постепенно образ Зулейхи отходит от канонов изображения мусульманской женщины в исламской литературе. Пройдя через множество испытаний, Зулейха в итоге освобождается от религиозных и патриархальных догм. В этом Зулейха Г. Яхиной отличается от героини Г. Исхаки, вера которой только укрепилась после пережитых бедствий.

Героиня романа «Зулейха открывает глаза», напротив, перестаёт молиться, снимает платок: «В последнее время Зулейха делала многие вещи, которые раньше казались стыдными, невозможными. Молилась редко, впопыхах. В том, что Аллах их не видит и не слышит, убедилась во время недавнего голода: если бы Всевышний услышал хоть одно из тысяч слезных молений, посланных ему Зулейхой в ту суровую зиму, он бы не смог оставить ее и Юзуфа без своего милостивого попечения. Значит, высочайший взор не достигал этой глухомани. Жить без постоянного внимания и строгого надзора всевидящего ока было поначалу страшно, будто осиротела. Затем – привыкла, смирилась. Иногда, по привычке, посыла-ла в небесную высь небольшие торопливые молитвы – как отправляют короткие письма из далеких и диких мест, не надеясь, что они долетят до адресата» (с. 148).

Однако эти перемены даются Зулейхе нелегко, жестокий опыт оставляет след на всей личности Зулейхи: она чувствует себя «голой без платка», с трудом адаптируется к новым реалиям, которые постепенно входят в её жизнь: «Громкий треск материи – Мансурка срывает чаршау, отделявшую мужскую половину избы от женской, и довольно отряхивает ладони. Разбитые горшки, выпотрошенные сундуки, остатки кухонной утвари бесстыже открываются взору любого входящего. Срам какой. Зулейха, краснея от невыносимого стыда, опускает глаза и выскакивает в сени» (с. 39). Но со временем Зулейха начинает чувствовать себя свободной в новом мире, ниспровергающем все прежние устои.

Подобный прорыв был невозможен для героинь традиционной татарской литературы, которые всегда оставались в рамках религиозных и моральных устоев. А «новая» Зулейха совершает поступок, немыслимый для татарской женщины ранее: она начинает жить с русским мужчиной вне брака. Для героини пьесы Г. Исхаки даже брак с иноверцем был невыносим, она его убивает. Зулейха же в романе Г. Яхиной видит, как «убийца мужа смотрел на неё взглядом мужа» (с. 148), и принимает его.

Но все эти перемены не могут пересилить материнский инстинкт, главным человеком для Зулейхи остаётся сын: «Мучило, что теперь она отдавала сыну не все свое тепло; что ночные ее поцелуи были жарче и обильней, чем вечерние, для сына; что ночью он мог проснуться один в постели и испугаться; что у нее появилась от него тайна. За это – обнимала Юзуфа крепче и дольше, зацеловывала, заласкивала. Иногда, стиснутый материнскими руками чересчур сильно, он вырывался, затем виновато смотрел исподлобья: не обиделась ли? Мать лишь улыбалась в ответ широкой счастливой улыбкой» (с. 193).

Здесь следует обратить внимание на имена героев – Зулейха и Юсуф, которые являются кодовыми для восточной литературы. Фольклорный памятник «Юсуф и Зулейха» имеет библейско-кораническую основу (действие разворачивается в Египте) и повествует о любви супруги начальника телохранителей фараона к прекрасному юноше Юсуфу (Иосифу) [Короглы, 1975, стб. 1026]. Это аллегорическая поэма о стремлении к любви и Богу, в которой также рассказывается о сильных чувствах, о человеческих страданиях в условиях несвободы.

Главная героиня Зулейха, пытаясь завоевать отвергнувшего её Юсуфа, чуть не разрушает судьбы их обоих. Только искреннее покаяние Зулейхи возвращает ей прежний облик и любовь Юсуфа. В символическом толковании это поэма не только о любви, но и о пути к Богу. Раскаившись, Зулейха становится благочестивой и обретает счастье в согласии с Аллахом.

Г. Яхина, трансформируя древний сюжет, дает имена героев легенды матери и сыну, тем самым мотивируя идеализацию Юсуфа и его матери, возвышая их образы. По мнению М.П. и В. В. Абашевых, «имена Юсуфа и Зулейхи не могут не напомнить об известном библейско-кораническом сюжете; само рождение Юсуфа – это рождение мифологического героя; картины его вскармливания ико-нически отсылают к христианской иконографии мадонны с младенцем» [Абашев, Абашева, 2016, с. 111].

Образ Юзуфа имеет решающее значение для духовного развития главной героини. Именно он способствует окончательному пробуждению Зулейхи, подталкивает её к сопротивлению обстоятельствам, к решительному поступку. Благодаря аллюзиям из истории о Юсуфе и Зулейхе идеализируются чувства матери к сыну.

Понимая, что главное в жизни – свобода, она отпускает сына: «Зулейха открывает глаза. Солнце бьет, слепит, режет голову на части. Вокруг в искрящемся хороводе солнечных лучей дрожат еле различимые очертания деревьев.

– Тебе плохо? – Юзуф наклоняется к ней, заглядывает в лицо. – Хочешь, я никуда не поеду?

Глаза у сына огромные, густо-зелёные – её глаза. На Зулейху смотрят с сыновьяго лица её глаза. Она мотает головой, тянет его дальше, в лес...» (с. 496).

Ключевая фраза, ставшая названием произведения «Зулейха открывает глаза», может быть интерпретирована и в прямом смысле (как констатация факта), и в переносном, означая духовное прозрение, которое позволяет героине переступить через материнский эгоизм, преодолеть желание держать сына при себе.

В финале Зулейха обретает возможность счастья с Игнатовым: «Зулейха бредет, не замечая времени и дороги, стараясь не дышать, чтобы не множить боль. На Круглой поляне заметит идущего навстречу человека, седого, хромого, с палкой. Они с Игнатовым увидят друг друга и остановятся – он на одном краю поляны, она на другом. Он вдруг поймёт, как постарел: потерявшие зоркость глаза не смогут различить ни морщин на лице Зулейхи, ни седины в её волосах. А она почувствует, что заполнившая мир боль не ушла, но дала ей вдохнуть» [Яхина, 2015, с. 497]. На наш взгляд, это катарсический финал романа.

Автор романа показывает, что герои обретают друг друга благодаря переменам в их сознании, хотя жертвенное счастье Зулейхи не выглядит органичным в контексте классических произведений татарской литературы. Поэтому художественная смелость Г. Яхиной, ломавшей стереотипы изображения татарской женщины, не была принята и понята национальной критикой. Такую кардинальную трансформацию личности не переживала ни одна из героинь традиционной татарской литературы.

Зулейха в пьесе Г. Исхаки, выдержав все испытания, выпавшие на её долю, возвращается к народным истокам в прямом смысле этого слова. Духовно и ментально она и не отрывалась от них. В финале пьесы изображается её возвращение в родную религиозную стихию, её сын находится в лоне Ислама, а саму её уносят на небо ангелы. В романе Г. Яхиной, напротив, Зулейха отходит от многих устоев, определяющих национальную идентичность татарской женщины.

Однако, оценивая эволюцию героини романа «Зулейха открывает глаза», нужно исходить из авторских интенций: Г. Яхина полагает, что социальные и политические катаклизмы, которые лишают человека всего, приводят его к новому, продуктивному этапу жизни. Это автор показывает на примере своей героини –

носительницы национального характера, привыкшей подчиняться и смиряться. Но именно смирение позволило ей адаптироваться к новым условиям и, более того – не сломаться, а, напротив, воскреснуть, спасти сына и себя, сохранив при этом лучшие женские качества. Ключевая авторская интенция состоит в следующем: жизненные катаклизмы освобождают героиню от рабской жизни и бесправного существования в семье (что продиктовано вековыми традициями). Сибирский лагерь не сломил Зулейху, дал ей возможность жить по новому, способствовал раскрепощению сознания, позволил стать хозяйкой своей судьбы.

Итак, идейный смысл романа Г. Яхиной, в котором она воспроизвела судьбу своей бабушки на основе ее воспоминаний, а также целого ряда других мемуарных и исторических источников, заключается в духовном освобождении героини в эпоху сталинского террора: она переживает эволюцию от суеверной и зависимой от всех и всего деревенской женщины до молодой матери, самостоятельно определяющей свою судьбу и судьбу сына.

В этом героиня романа Г. Яхиной отличается от героинь произведений традиционной татарской литературы, и трансформация женского образа реализуется писательницей на нескольких уровнях:

- гендерном (освобождение от гендерных стереотипов, чувства вины перед свекровью и бывшим мужем, укорененного в женском сознании);
- психологическом (преодоление внутренних барьеров)
- религиозном (ослабление значения религиозных устоев в жизни женщины);
- морально-этическом (любовь к русскому мужчине);
- социальном (адаптация в лагерных условиях);
- идеологическом (принятие норм и условий жизни, диктуемых новым строем).

При этом высокое аксиологическое значение образа Зулейхи в романе Г. Яхиной не изменяется, что свидетельствует о сохранении глубинной связи с национальной и общечеловеческой духовными традициями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Абашева, М. П.** Как сделан роман Гузели Яхиной «Зулейха открывает глаза» / М. П. Абашева, В. В. Абашева // Новый мир. – 2016. – № 5. – С. 110–113.
2. **Борисова, В. В.** Роман «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной: конфликт рецепций в контексте региональной, русской и мировой литературы (к проблеме национально-культурной идентичности) / В. В. Борисова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 654–660.
3. **Короглы, Х.** «Юсуф и Зулейха» / Х. Короглы // Краткая литературная энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 8: Флобер – Яшпал. – 1975. – Стб. 1026.

4. **Маджнун** (Кайс ибн аль-Мулаввах) / пер. С. И. Липкин. – URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st026.shtml> (Дата обращения 31.10.2022).
5. **Никишина, Р. С.** Проблема женской эмансипации в татарской литературе начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 – Русский язык / Р. С. Никишина. – Казань, 2002. – 22 с.
6. **Серго, Ю. Н.** Эволюция героя и память рода в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Ю. Н. Серго // Вестник Удмуртского университета. – 2020. – Т. 30. – № 2. – С. 330–336.
7. **Солунова, Я. А.** Взаимопересечения в речевых портретах женских персонажей в романе Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Я. А. Солунова // Научные междисциплинарные исследования. – 2020. – № 2–1. – С. 244–252.
8. **Фаттахова, А. А.** Женские образы в татарской просветительской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 – Русский язык / А. А. Фаттахова. – Тобольск, 2011. – 21 с.
9. **Хадый, З.** Счастливая девушка / З. Хадый. – Оренбург: Издательство братьев Каримовых, 1904. – 100 с.
10. **Хасавнех, А. А.** Татарская религиозно-суфийская литература XIX века: художественное воплощение этико-эстетических особенностей: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02 – Русский язык / А. А. Хасавнех. – Казань, 2022. – 441 с.
11. **Хисматова, Л. К.** Женские образы в современной татарской женской прозе / Л. К. Хисматова // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 324–328.
12. **Хуснудинова, М. С.** «Система женских образов в романах Якуба Занкиева»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 – русский язык / М. С. Хуснудинова – Тобольск, 2010. – 23 с.
13. **Якупова, Г. Х.** Роль г. Исхаки в татарской литературе начала XX века / Г. Х. Якупова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 171–173.
14. **Яхина, Г. Ш.** Зулейха открывает глаза/ Г. Ш. Яхина. – Москва: АСТ, 2015. – 506 с.

REFERENCES

1. **Abasheva, M. P.** Kak sdelan roman Guzeli YAhinoj «Zulejha otkryvaet glaza» / M. P. Abasheva, V. V. Abasheva // Novyj mir. – 2016. – № 5. – S. 110–113.
2. **Borisova, V. V.** Roman «Zulejha otkryvaet glaza» G. Yahinoj: konflikt recepcij v kontekste regional'noj, russkoj i mirovoj literatury (k probleme nacional'no-kul'turnoj identichnosti) / V. V. Borisova // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. – 2017. – Т. 10. – № 5. – С. 654–660.
3. **Fattakova, A. A.** ZHenskie obrazy v tatarskoj prosvetitel'skoj literature: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02. – Russkijazyk. / A. A. Fattahova. – Tobol'sk, 2011. – 21 s.

4. **Hadyj, Z.** Schastlivaya devushka / Z. Hadyj. – Orenburg: Izd-vo brat'ev Karimovyh, 1904. – 100 s.
5. **Hasavnekh, A. A.** Tatarskaya religiozno-sufijskaya literatura XIX veka: hudozhestvennoe voploshchenie etiko-esteticheskikh osobennostej /: dis... d-ra nauk: 10.01.02 – Russkij yazyk / A. A. Hasavnekh. – Kazan', 2022. – 441 s.
6. **Hismatova, L. K.** ZHenskie obrazy v sovremennoj tatarskoj zhenskoj proze / L. K. Hismatova // Vestnik CHuvashskogo universiteta. – 2008. – № 4. – S. 324–328.
7. **Hustnudinova, M. S.** «Sistema zhenskikh obrazov v romanah Yakuba Zankieva»: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02 – Russkij yazyk / M. S. Husnutdinova. – Tobol'sk, 2010. – 23 s.
8. **Korogly, H.** «YUsuf i Zulejha» / H. Korogly // Kratkaya literaturnaya enciklopediya. – Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1962–1978. T. 8: Flober – Yashpal. – 1975. – Stb. 1026.
9. **Madzhnun** (Kajs ibn al'-Mulavvah) / per. S. I. Lipkin. – URL: <http://litena.ru/books/item/f00/s00/z0000059/st026.shtml> (Data obrashcheniya: 31.10.2022).
10. **Nikishina, R. S.** Problema zhenskoj emansipacii v tatarskoj literature nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.02 – Russkij yazyk / R. S. Nikishina. – Kazan', 2002. – 22 s.
11. **Sergo, Yu. N.** Evolyuciya geroya i pamyat' roda v romane G. Yahinoj «Zulejha otkryvaet glaza» / YU.N. Sergo // Vestnik Udmurtskogo universiteta. – 2020. – T. 30. – № 2. – S. 330–336.
12. **Solunova, Ya. A.** Vzaimoperesecheniya v rechevyh portretah zhenskikh perso-nazhej v romane Guzel' YAhinoj «Zulejha otkryvaet glaza» / Ya.A. Solunova // Nauchnye mezhdisciplinarnye issledovaniya. – 2020. – № . 2–1. – S. 244–252.
13. **Yakupova, G. H.** Rol' g. Iskhaki v tatarskoj literature nachala HKH veka / G. H. Yakupova // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. – 2018. – T. 7. – № 2 (23). – S. 171–173.
14. **Yahina, G. Sh.** Zulejha otkryvaet glaza / G.SH. YAhina. – Moskva: AST, 2015. – 506 s.